

Владимир Проскурин

КРЫЛАТЫЕ ТУЛПАРЫ РУБО

В истории искусства Франц Рубо до сих пор значится как выдающийся мастер панорамной живописи, основоположник российской школы панорамной живописи, автор около двухсот монументальных полотен, создатель грандиозных экспозиций «Оборона Севастополя» и «Бородинская битва». Последнюю из них открыли в Москве к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года. Любопытно, что тыловая Алма-Ата в годы следующей Отечественной войны 1941–1945 годов приняла на сбережение наследие Рубо. Но доступ зрителей к грандиозной панораме возобновился лишь в 1962 году, уже к 150-летию юбилею Бородинской битвы, после многолетней реставрации и постройки нового здания в Москве на Кутузовском проспекте.

Творчество Рубо тесно связано с историческими событиями азиатских ханств Хивы, Бухары, Коканда. В частности, картина «Битва за Текинскую крепость Геок-тепе» стала даром российского посольства Туркменистану в развитие историко-культурных взаимоотношений.

Для академического наследия Рубо были характерны не только категории пространства, но и понятия и категории времени. Однако отъезд из России послужил полному забвению художника и в Средней Азии, и в России, а его самобытное творчество стало в результате наследием живописца, определяющегося нашими современниками не иначе как представитель зарубежного искусства.

Полное имя этого замечательного академика живописи – Франц Алексеевич Рубо (Roubaud Francois). Художник родился в 1856 году в Одессе, в семье французского коммерсанта. Учился в Одесской рисовальной школе в 1865–1877 годах и в Мюнхенской академии художеств в 1878–1883 годах. В период обучения каждое лето уезжал в Россию, Украину, на Кавказ и в Среднюю Азию, делая с натуры многочисленные этнические этюды. Прежде всего, рисовал коней, воинских крылатых тулпаров. И аульных гужевого животных, воспетых акынами.

Он писал в дневниках: «...жил более 22 лет в России, где получил своё образование... Я всегда пишу картины из русского быта и русской боевой жизни, по всем этим признакам меня следует считать русским художником». Однако после начала Первой мировой войны, а затем революционных событий и гражданской войны в России, художник стал проживать в Германии. Рубо не сумел приспособиться в Стране Советов к новой художественной жизни и новым творческим направлениям. Франц Рубо скончался в 1928 году в Мюнхене, в полном забвении отмечают биографы.

Художественные его принципы предопределили работу над панорамами – композициями с масштабным изображением, которое охватывает зрителя со всех сторон, включая не только живопись. Рубо практически явился создателем этого вида искусства в России, тем самым приблизившись по духу к работам Василия Верещагина и Николая Каразина, известных их полотен, отображающих осаду и штурм крепостей под началом генерала М. Д. Скобелева.

Заметим, что среднеазиатские военные сюжеты Верещагина легли на баварские картины в Мюнхенский период жизни русского живописца Рубо. Впрочем, нам уже доводилось писать об этом, и неоднократно.

ТВОРЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ В ПАРИЖЕ

Наш очерк о творчестве Рубо касается Туркестанского края. Его путешествия открыли миру историко-культурные сюжеты Средней Азии и Казахстана – природу, быт и нравы, этнические портреты представителей многих народов и народностей. Художник следовал либо по Закаспийской военной железной дороге, либо традиционно верхом на коне от живописного Красноводского залива Каспийского моря до средневековых минаретов Самарканда. Минувя туркестанские ханства Бухары, Хивы и Коканда, через переправы великих азиатских рек Амударьи и Сырдарьи...

В Париже, на одной из моих персональных выставок почтовой открытки, удалось познакомить ценителей Туркестана с творчеством Франца Рубо среди малых и великих творцов его времени. Французского посетителя прежде всего интересуют женские образы восточных красавиц. И, наверное, еще азиатская охота с ловчими соколами, быстрыми конями и свирепыми псами на живописной природе.

Выставки разных лет, организуемые Русским домом, были представлены в книжном магазине – прилежном путеводителе по странам земного шара с продажей атласов и фотоальбомов. Развалы коллекционеров – так назовем направление работы магазина – известны тем, что находятся в центральной части города, в так называемом легендарном «чреве Парижа», рядом с Центром Помпиду по изучению и поддержке искусства в различных его проявлениях.

Парижский краевед Борис Михайлович Носик (1931–2015) замечает в своих занимательных прогулках по Сене: «...Храм Юсташа (Св. Евстафия) почтил и почившего соседа – славное “Чрево Парижа” – забавным макетом... “Чрева” больше нет, остались только роман Золя и макет в храме. Понятно, что городскому центру мешали эти теснота, пробки, шум, запахи, грязь, отходы...» (книги эмигранта Б. М. Носика, удачно попавшие в руки моей дочери Ольги, были нашим добрососедским путеводителем по Парижу).

Крохотный магазинчик Мишеля и Гульмиры, нашей соотечественницы, хранил необыкновенную тайну. Скрытая дверь вела в подземные средневековые этажи, оснащенные древним кирпичом. Кривые сводчатые закоулки были предоставлены разносортной публике, веселой детворе и серьезным парижанам. Здесь, среди азиатских ковров, предметов быта и разной утвари, располагались для отдыха гости – послушать на французском языке восточные сказки и легенды. Сквозь вентиляционную шахту – тоже образец старины – можно увидеть звездное небо в полуденном солнечном Париже.

Вот такой явился магазинчик, ни дать ни взять сундук сокровищ. Отметим еще одну примечательность выставки. Мои фотографии с работами Франца Рубо, благополучно висевшие на каменных стенах, были любезно окружены частными собраниями коллекций – восточных ковров, халатов, тюрбетеек, словно дополняя их пряную восточную атмосферу.

Однако вернемся к теме выставок родного края, к теме забытых и не востребуемых в письменных и фотографических источниках, документах и материалах, в освещении представителей выдающихся деятелей истории и культуры. Среди гостей моих персональных выставок, новых и старых друзей по Русскому Туркестану, назову с благодарностью парижан, оказавших поддержку и внимание в путешествиях по Европе: владельцев книжного магазина Мишеля и Гульмиру; кураторов Центра Помпиду, Русского дома, посольства Казахстана во Франции; добросердечного парижского старожила Андрея Дмитриевича Шмемана (1921–2008), кавалера ордена Почетного легиона, настоятеля домового церкви и председателя Объединения кадет Российских кадетских корпусов; хлебосольную парижанку Ольгу Павлову (некогда встретившую меня в Алма-Ате и пригласившую в гости в Париже); востоковедов Клода Рапэна и Светлану Горшенину; писательницу Бахыт Садыкову. Мы знали друг друга по Средней Азии в дружеских и творческих кругах, писали научно-популярные работы, увлеченные памятно-охранным делом в Туркестане.

НЕКОТОРЫЕ ЗАРИСОВКИ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ

Коснемся в нашем очерке некоторых сюжетов Отечественной войны 1812 года, отмеченных исследовательской работой академика Рубо в его знаменитой панораме. Опишем боевые действия героев Отечественной войны, дважды Георгиевского кавалера, генерала Фердинанда Федоровича Винцингероде (Ferdinand von Wintzingerode), фельдмаршала Барклай де Толли (Michael Andreas Barclay de Tolly). Судьба привела Винцингероде в Россию на службу, окунув в самую гущу событий – он принял участие в походах легендарного Суворова, побывал в битве на Чертовом мосту. Тогда же он познакомился с Багратионом, Кутузовым и другими русскими военачальниками. Получив чин генерал-адъютанта, он вошел в армейскую элиту России. Винцингероде становится адъютантом Великого Князя Константина Павловича. После боя к русскому ордену Св. Георгия 3-й степени добавилось звание австрийского фельдмаршал-лейтенанта.

Тем временем, фельдмаршал Барклай де Толли, тоже из славной немецкой прибалтийской семьи, поручил генералу Винцингероде командовать летучим отрядом из донских казаков, черноморской сотни, отдельных отрядов перекоп-

ских татар и ставропольских калмыков. Первоначально задумывалось, что этот отряд станет разведкомандой, которая будет добывать сведения и тревожить французов в тылу. А на деле получился настоящий партизанский отряд из татар, мящяреков или башкир, крымчан и киргиз-кайсаков, одетых в национальные одежды, в лисьих или волчьих шапках, гарцюющих на низкорослых лошадках. Вооружение воинов было соответствующее – копыя, луки со стрелами, коекто облачен в кольчуги и другие степные атрибуты. При преследовании войск Наполеона мусульманские джигиты осадили Дрезден, Магдебург, Гамбург, достигли Альтенбурга. Здесь произошло ожесточенное сражение с отрядом французского генерала Лефевра. В рапорте отмечалось «упорное сопротивление мамелюков (европейское название воина Азиатской России – В. П.) и гвардейских татар». С боями партизаны и донцы вошли в Париж. Именно они произвели на выдавших виды парижан такое впечатление, что любой заказ казацкого или просто русского офицера исполнялся неизменно «бистро» (т. е. скоро, немедленно), о чем и напоминают многочисленные бистро на улочках французской столицы.

В пору же Отечественной войны 1812 года партизаны Винцингероде пели у костра: «...И в Москве бывали мы, и Париж видали мы, и захватчика-француза хорошо бивали мы». Надо сказать, что, бывая и в Германии, необходимо посетить мемориальное воинское кладбище. Думаю, в своих путешествиях такого торжественного и печального мегаполиса надгробий евразиец не встречал нигде и никогда. Здесь в некрополе лежат в забвении наши славные предки, столь ярко оживающие в панорамной живописи и на впечатляющих живописных полотнах русского академика Франца Алексеевича Рубо.

Объездка лошади. Эскиз. 1884

